

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Б. АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

«СЛУШАЛИ... жадно, словно припали к роднику иссохшими губами... Большинство смотрело на хор, но многие сверху, совсем куда-то оторвавшись, улетев. Губы были сжаты, кое у кого даже стиснуты либо закушены, а другие будто что-то лепетали...

Но наперекор розни лица было в них нечто единое, и оно вспыхивало общим отзывом, когда хор начинал повторять припев. Он был торжествен, как гимн, призывен, как походный марш... Но не в напеве и не в гармонии голосов чудилась... сила музыки. Она кровью сердца билась в ритме...

Хор кончил петь. Его крепкая скобка была сломана. Певцов рабировали по рукам, и слушатели не спрашивали, кто попадет к ним в объятия — тенор или бас. Где-то над головами мелькнул белый китель и коротенькие руки взмахнули в воздухе, но взмах их уже лишен был общего послушания: дирижера качали...

Нет, это не мои слова, хотя я и был очевидцем того, о чем говорится здесь. Это отрывок из романа К. Федина «Костер», где писатель рассказывает, как Краснознаменный ансамбль пел на Белорусском вокзале «Священную войну».

Это было первое исполнение песни моего отца — А. В. Александрова, бывшего тогда художественным руководителем ансамбля. Не знаю, присутствовал ли на вокзале К. Федин. Но написано это необычайно точно по настроению, по атмосфере, которая царил на вокзале. Лучше не напишешь! Впрочем, я и не собираюсь делать это. Хочу лишь рас-

сказать немного о том, как возникла песня и какой путь прошла вплоть до сегодняшнего дня.

Помню летний воскресный день сорок первого года, принесший советским людям ошеломляющие вести о начале войны. Помню суровые, сосредоточенные лица прохожих. Помню, что встретить тогда беспечно, улыбающегося человека было попросту невозможно: каждый ощущал всю серьезность обрушившегося на страну испытания.

Все эти сложные чувства прекрасно выразил тогда в своем стихотворении В. Лебедев-Кумач. Написанное в первый же день войны, оно 24 июня уже было напечатано в «Известиях». Кто-то из ансамбля показал Александру Васильевичу газету. «Вот то, что мне нужно», — обрадовался отец. Видимо, он уже думал о песне, которая помогла бы сплотить людей в эти тревожные и суровые дни. Буквально в тот же день, на одном дыхании, песня была завершена. На другой день проиграна перед ансамблем, переписана на доску (ждать, пока ее отпечатают, было некогда), и участники ансамбля начали готовить свои партии.

Слова, близкие настроению каждого, музыка, западающая в душу... Песню разучили в один день. В первый же день войны наш ансамбль, руководимый отцом, был разделен на четыре бригады. Три из них тут же отправились на фронт обслуживать бойцов. А одна осталась в Москве выступать перед призванными. Вот она-то и исполнила впервые «Священную войну».

До сих пор перед глазами у меня красноармейцы, ожи-

дающие отправки. Многие сидят на самодельных сундучках — деревянных, с висящими замками. Когда зазвучали первые слова песни, люди начали вставать. К концу все уже слушало стоя, с решительными, суровыми лицами.

Песня спела! На перроне стоит удивительная тишина. И вдруг она взрывается гулом и громом оваций. Это было внушительное и впечатляющее зрелище... А дальше выступления ансамбля перед бригадами, полками, дивизиями...

Вот как вспоминает о «Священной войне» генерал-майор запаса А. Кроник, командовавший в июне 1944 года стрелковой дивизией, которая готовилась к прорыву обороны противника на Карельском перешейке:

«Полки располагались в районе разрушенного и разграбленного гитлеровцами Петергофа, в развалинах деревни Марьино и окружающих ее перелесках. Как-то утром позвонил нам член Военного совета: «Встречайте артистов ансамбля Александрова»...

...Когда же зазвучала написанная Александровым, ставшая подлинно народной песней «Священная война», трепет душевного волнения охватил всех солдат и офицеров, безусых добровольцев и усатых, израненных в боях бывалых солдат. Каждый крепче сжимал свое оружие. Лица посуровели. Я смотрел на солдат и офицеров — моих боевых друзей — воинов, и чувствовал сердцем их готовность к суровым боям».

До сих пор сохраняется в репертуаре нашего ансамбля

«Священная война», и до сих пор она оказывает на слушателей неотразимое действие. Дирижуя, я стою спиной к залу, но всякий раз чувствую его волнение, и мне рассказывают, что у многих сидящих на концерте наворачиваются на глаза слезы.

«Я не могу понять, в чем секрет этой песни», — говорил отцу выдающийся советский пианист и педагог А. Гольденвейзер. — Все очень просто. Но всякий раз, когда я слышу ее, у меня в горле закипают слезы».

И это понятно. Ведь все мы пели эту песню во время войны — и взрослые, и дети. Все мы знаем и помним ее. Для всех она — некий музыкальный символ, связанный с Великой Отечественной войной. Символ нашей веры и стойкости, символ нашего мужества и героизма.

Помните, как в стихотворении Елтушенко школьники поют эту песню в госпитале и как им подпевают их слушатели?

Солдаты пели,
словно школьники,
и как солдаты, пели мы.
Все пели праведно
и доблестно —
и няня в стареньком платке,
и в сапогах кирзовых
донторша,
забывши градусник в руке.
...Разрывы слышались нам
дальние,
и было свято и светло...

...В этом году во время гастролей в Канаде мы в День Победы — 9 мая — исполнили ту же песню. И в зале, должен сказать, творилось что-то необыкновенное. Да, песня не знает границ. И если она настоящая, ей обещана долгая и почетная жизнь.

сб. 1968, 12 сент. 1942